

Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 2 (22). С. 68–79.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 2 (22). P. 68–79.

Научная статья
УДК 94(470.55)
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-68-79>

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПОСЕЛКА «БЕРЕЗКИ» В ПЕРИОД ФОРСИРОВАННОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

**Надежда Николаевна
Макарова**

Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
Магнитогорск, Россия, makarovanadia@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1662-0338>

Аннотация. Город Магнитогорск традиционно в советское время представлял собой территорию по реализации эксперимента под названием «Новый город». Соответственно в Магнитогорске на практике реализовали новые архитектурные решения, строили новый социалистический быт, воспитывали нового человека, повседневная жизнь которого не связана со старыми традициями, религией и, конечно, неравенством. История градостроительства Советского Союза отражена в исторических исследованиях широко, но основное внимание ученые концентрировали на изучении «больших» вопросов истории градостроительства, не уделяя должного внимания отдельным интересным аспектам. В частности, так называемому элитному жилью. Последнее само по себе, казалось, не могло существовать в СССР. В данной статье на основе разнообразных источников (делопроизводственная документация, источники личного происхождения, материалы периодической печати) предпринимается попытка рассмотреть процесс создания на территории Магнитогорска элитного поселка «Березки», в котором проживало руководство города, партии и металлургического комбината, а также советские и иностранные специалисты. В результате исследования удалось определить, что в Магнитогорске, возникшем практически «с нуля» и преподносившемся советской пропагандой как новый город, в котором живет и трудится советский человек, где нет места порокам прошлого, существовало элитное жилье, получение которого зависело от места в иерархии власти на локальном уровне. Поселок представлял замкнутый мир со своей социально-бытовой инфраструктурой, уникальными архитектурными решениями и особой повседневной жизнью его обитателей. Данное исследование, несомненно, вносит вклад в решение задачи изучения повседневности отдельных социальных групп, а также восполняет лакуны в сфере исторических архитектуроедческих исследований.

Ключевые слова: история повседневности, история градостроительства, индустриализация, Урал, Магнитогорск, жилищный вопрос, градостроительство, элитное жилье.

Для цитирования: Макарова Н. Н. Повседневная жизнь поселка «Березки» в период форсированной индустриализации // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 2 (22). С. 68–79. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-68-79>

Сведения об авторе: Н. Н. Макарова – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск, проспект Ленина, 38.

Scientific Article

UDC 94(470.55)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-68-79>

EVERYDAY LIFE IN THE SETTLEMENT OF «BEREZKI» DURING THE PERIOD OF ACCELERATED INDUSTRIALIZATION

Nadezhda N. Makarova

Nosov Magnitogorsk State Technical University
Magnitogorsk, Russia, makarovanadia@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1662-0338>

Abstract. The city of Magnitogorsk, in the Soviet era, was the location for the execution of an experiment known as the "New City" project. Consequently, in Magnitogorsk, innovative architectural solutions were implemented, a new socialist way of life was established, and a new type of individual was cultivated, whose everyday life was devoid of traditional values, religion, and, of course, inequality. The history of urban development in the Soviet Union has been extensively documented in historical studies; however, scholars have predominantly focused on the "big" issues of urban development, often overlooking certain interesting aspects. This is especially evident in the context of so-called elite housing. The latter in itself appeared to be an impossibility within the Soviet Union. This article, drawing upon a range of sources including office documentation, personal sources and periodicals, seeks to examine the process of establishing the elite village of "Beryozki" within the confines of Magnitogorsk. This village served as a residence for the city's leadership, the party, the metallurgical plant, as well as Soviet and foreign specialists. The study revealed that in Magnitogorsk, which arose practically "from scratch" and was presented by Soviet propaganda as a new city where Soviet people lived and worked, where there was no place for the vices of the past, there was elite housing, the receipt of which depended on the place in the hierarchy of power at the local level. The village constituted a self-contained entity, characterised by its distinct social and everyday infrastructure, unique architectural solutions, and the distinctive everyday life of its inhabitants. This study contributes to the existing body of knowledge on the subject of the everyday life of individual social groups, and also fills the gaps in the field of historical architectural research.

Keywords: History of everyday life, History of urban development, industrialization, Urals, Magnitogorsk, housing issue, urban development, elite housing.

For citation: Makarova, NN 2025, 'Everyday Life in the Settlement of «Berezki» During the Period of Accelerated Industrialization', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (22), pp. 68–79, [http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-68-79](https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-68-79) (in Russ.)

Information about the Author: Nadezhda N. Makarova – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of World History, Nosov Magnitogorsk State Technical University, 38, Lenin Avenue, Magnitogorsk, 455000, Russia.

Введение

Особая категория зданий эпохи индустриализации – элитные коттеджные поселки (отдельные дома), выдающиеся своей архитектурой, по заявлениюм ряда советских авторов, являлись частью массового жилого фонда и предназначались для обычных рабочих. В реальности эти дома возводили исключительно для местной элиты. Советской архитектуре приходилось учитывать существование особой категории жилых объектов, поскольку подобные проекты разрабатывались систематически. Когда ситуация предоставляла возможность, высокопоставленные лица имели право перенаправлять выделяемые государством ресурсы, изначально предназначенные для массовой застройки, на создание личных обособленных жилищ [22]. Официальная идеология Советского Союза исключала публичное обсуждение подобной ситуации. Открытое признание наличия особого элитного жилого фонда могло привести к дискуссиям о социальном неравенстве в стране, что вступало в прямое противоречие с декларируемым принципом равноправия в советском обществе. Поэтому различия в уровне комфорта жилья и территориальная сегрегация населённых пунктов оставались скрытыми от широкой общественности, не находя отражения ни в нормативных документах, ни в профессиональной литературе, ни даже в мемуарах самих архитекторов и ученых. Магнитогорск оказался одним из городов, в котором существовало подобное элитное жилье. Пропагандистская машина Советского Союза преподносila его как образец массового жилого фонда для рабочих: «В поселке “Березки” его обитателям – металлургам Магнитки – предоставлены все бытовые удобства...» [23, с. 176; 41, с. 24]. В этой связи изучение повседневной стороны прошлого на территории «Березок» является крайне интересным и перспективным исследовательским полем.

Материалы и методы

Историография проблемы весьма обширна. Все исследования условно группируются в два блока: первый – труды по истории повседневности; второй – работы по истории градостроительства. Проблематика социальной истории в течение последних десятилетий стала особенно актуальной как в международной, так и в российской исторической науке. Усиление интереса к социальным аспектам жизни, изучению повседневной культуры и образа мыслей обычных людей заметно укрепляет свою позицию среди отечественных исследований. Это подтверждают многочисленные публикации книг и научных статей, посвящённых именно истории повседневности [13; 14; 40]. Крайне интересно изучение повседневной жизни отдельных социальных групп, ограниченных неким «общим» [9] или жизнью на закрытой территории [18].

В настоящее время историки внимательно изучают градостроительные практики эпохи СССР. Наиболее яркие исследования принадлежат М. Г. Мееровичу [24–26] и Е. В. Конышевой, которая исследует участие иностранцев в советском градостроительстве [11; 12]. В коллективном исследовании М. Г. Мееровича, Е. В. Конышевой и Д. С. Хмельницкого проанализирован ранний период форсированной индустриализации, в том числе типы массового жилья и планировка соцгородов [23].

Еще в 1930-е годы по предложению А. М. Горького стартовал масштабный проект «История фабрик и заводов», целью которого стало освещение истории грандиозного промышленного строительства эпохи индустриализации. Проект, несмотря на некоторые препятствия, способствовал формированию устойчивой исторической традиции изучения промышленных городов: созданные объекты промышленности неизменно ассоциируются с преодоленными трудностями и достигнутым успехом. В рамках данной тенденции в 1930-е гг. публиковались материалы преимущественно публицистического характера. Лишь значительно позже, в период с 1950-х по 1980-е гг., появились серьезные научные труды, посвящённые

развитию Магнитогорска, причём большинство исследований той поры уделяли внимание позитивным аспектам развития города, упуская проблемы градостроительной практики. Важное исключение составляет исследование архитекторов В. И. Казариновой и В. В. Павлюченкова, детально рассмотревших вопросы районирования и озеленения города [10]. На протяжении последних двадцати лет исследования по истории Магнитогорска касаются различных тем и характеризуются разнообразием методологических подходов [16; 17; 19–21]. В целом тема соответствия типологии жилища социальной структуре населения специально не исследовалась.

Историографическая ситуация определила цель исследования как анализ специфики повседневной жизни различных категорий населения поселка «Березки» в 1930-е гг. Хронологические рамки исследования объясняются тем, что в это время поселок представлял собой жилье для местной элиты и развивался как закрытая зона на территории города. Позднее «Березки» утратили свой уникальный статус.

Широкая источниковая база исследования включает следующие группы материалов: делопроизводственная документация; материалы местных газет; эгоисточники, в том числе воспоминания жителей поселка «Березки». Комплекс разнообразных источников, использованных в исследовании, определил необходимость комплексного подхода в их использовании. Исследование базируется на интеграции общенациональных подходов – анализа и синтеза, индукции и дедукции, а также общеисторических методов – историко-сравнительного и историко-системного. Использование методов устной истории способствует расширению источниковедческой базы и углубляет интерпретацию свидетельств участников процессов градостроительства рассматриваемого периода.

Результаты

Первоначально элитный поселок назывался «Американский городок» («Американский поселок», «Американка») так как основную массу жителей в начале 1930-х гг. составляли американские специалисты, прибывшие в город для осуществления контроля за монтажными работами оборудования компании «Мак-Ки» [2, с. 67]. Весной 1930 г. в город приехали инженеры из США, которые кроме профессиональных целей оценили социально-бытовые условия в Магнитогорске и решили перевозить сюда свои семьи [2, с. 123].

Посёлок разместился на западной стороне горы Магнитной, где геологические исследования не выявили залежей железной руды. Кроме того, поселок располагался недалеко от возводимых объектов металлургического производства, и поселение удачно вписывалось в розу ветров региона. Архитектурно-градостроительный облик «Березок» складывался постепенно. Посёлок представлял собой образец идеального садово-поселкового комплекса, соответствующего западноевропейскому стандарту градостроительства. Каждый участок обладал одинаковой площадью и был окружён металлическим забором с воротами. Принципы комплексного строительства, свободной планировки и размещения жилого района вокруг зеленого массива и зон для спорта и прогулок были основополагающими при создании «Березок» [10, с. 51]. Высотность зданий колебалась от одного до трех этажей, а ориентация окон и улиц – на юго-восточную и северо-западную стороны [10, с. 88]. В поселке были возведены дома сборной щитовой конструкции и коттеджи. В двух домах гостиничного типа были спроектированы двух-, трех- и пятикомнатные квартиры площадью от 8 до 15 кв. м. В коттеджах на первом этаже располагались гостиная, кабинет, столовая, кухня, санузел, кладовая и закрытая летняя веранда; на втором этаже – три спальни, еще одна ванная, гардеробная и открытая терраса с зоной отдыха, которую использовали для утреннего и вечернего чаепития в хорошую погоду. Прогулочные аллеи поселка были замощены [39, с. 46]. В поселке возвели два капитальных многоквартирных дома, квартиры в которых были полностью меблированы [1, с. 8]. В одном из них

проживала семья Краузе: «Это хороший каменный дом городского типа, на 8 квартир. Наша на втором этаже. В ней 4 комнаты, проходная, ванная, комната для работницы. Отопление центральное. Квартира удобная и красавая. И новая мебель... Как всегда не хватает одной комнаты – кабинета для Фридриха Оскаровича...» [1, с. 8].

Населения поселка «Березки» на протяжении 1930-х гг. не было некой постоянной величиной. Так, в 1930–1933 гг. элитное жилье занимали иностранные специалисты. После завершения срока их договоров, они постепенно покидали город, а квартиры стали распределять среди местного руководства партии, металлургического завода, силовых структур и проч. Впрочем, в 1937–1938 гг. произошла очередная волна перераспределения жилого фонда в поселке. Численность иностранной колонии в Магнитогорске постоянно колебалась. Из всех иностранных подданных, работавших на Магнитострое в 1929–1935 гг., около двух третей были квалифицированные рабочие, приблизительно треть работавших состояли в компартиях различных государств [18, с. 478]. Контингент иностранных рабочих в городе состоял из немцев, американцев, чехов, бельгийцев, испанцев, болгар и проч. Таким образом, точно определить число работавших в Магнитогорске иностранцев не представляется возможным.

В соответствии с квалификацией и причинами прибытия в Магнитогорск всех иностранцев Магнитогорска можно разделить на две группы. Первая представляла специалистов высокого уровня, руководящее звено на производственных объектах комбината; вторая – рядовые и квалифицированные рабочие. Естественно, что и причины приезда в город были различными. Одни ехали, спасаясь безработицы, охватившей США и Европу, другие – по коммерческим соображениям, на заработки, трети – по соглашениям в качестве консультантов от американских и европейских компаний. Советская пропаганда подчеркивала идеологические факторы приезда иностранных рабочих в город. Например, немецкий рабочий Мейер писал: «Беззатрудненная любовь к стране Советов, желание помочь социалистической стройке заставили меня приехать на Магнитострой» [33, л. 15]. Уровень жизни рядовых зарубежных специалистов был ниже, проживали они в бараках комнатного типа. В коттеджах «Березок» расселили руководящее звено иностранных специалистов, иные значимые работники из-за границы были размещены в благоустроенных щитовых домах поселка [30; 31; 33]. Хотя расстояние от завоудоупраления до «Березок» было незначительное, для доставки специалистов на производство организовали транспорт: «...подавать по 1 автомашине в 11.00, 14.00 и 20.00 к Завоудоупралению» [19, с. 105–106]. Остальные советские рабочие добирались на работу пешком.

Условия жизни населения поселка существенно отличались от жизни остального города. «Березки» функционировали как обособленный мир со своей собственной инфраструктурой и социальной средой. Здесь находились детские учреждения – ясли и санаторий, общеобразовательная школа, продуктовый магазин и культурный центр – Клуб горняков. Для обычных советских рабочих повседневность обитателей «Берёзок» выглядела воплощением идеальной жизни, однако сами иностранцы так не считали. Вполне естественно, что инокультурная среда, нормы поведения и особенности быта воспринимались заграничными гостями недоброжелательно [32, л. 5]. Иностранные поданные подавали коллективные жалобы в местные газеты: «Мы живем в отвратительных условиях. Вот уже два месяца не работают водопровод, канализация, отопление, совершенно лишились кипятка. Автобус ходит не регулярно... В нашей гостинице оплата за пользование номером слишком огромна...» [15]. Многочисленные жалобы иностранцев предопределили формирование в Магнитогорске особой структуры – спецсектора ММК [15]. Однако встречаются в источниках восторженные оценки жизни в «Березках». Так, представитель «Мак-Ки» инженер Бендт рассказывал, что жил в «оазисе западного комфорта» – в домах на 4–7 комнат

с отоплением, водоснабжением, электричеством, тиром и теннисным кортом [3, с. 16]. В целом о роскоши «Березок» ходили легенды среди местного населения.

На территории «Березок» действовал миниатюрный коммунальный комбинат с баней, прачечной, парикмахерской, ледником, столовой и раздаткой. В поселке существовал инспекторский участок по группе американских домов, в штате которого были должности уполномоченного по благоустройству поселка [18] и коменданта, отвечавшего за вселение и выселение жителей и их прописку [27, л. 334; 28, л. 62; 37, с. 63]. На территории поселка работало почтовое отделение.

Самое существенно недовольство со стороны иностранцев жизнью в городе было связано с качеством торговой сети и организации питания. По мнению иностранных поданных, Инснаб в «Березках» работал плохо, там нельзя было приобрести желаемые товары: «Там почти ничего нельзя купить кроме хлеба, папирос, спирта. Муки не было несколько недель и очень редко имеются овощи...» [29, л. 9]. Местные власти, напротив, оценивали общественное питание, организованное в поселке, высоко: наличие специализированной столовой, в которой комплексный обед из трех блюд стоил 1 руб. 30 коп. [2, с. 78], а стандартный завтрак включал в себя омлет, кофе на цельном молоке, мясное горячее блюдо и горку хлеба – очевидные аргументы [5, л. 10, 29; 35, л. 2].

Вопрос оказания медицинских услуг иностранным гражданам в Магнитогорске был рассмотрен на заседании бюро городского комитета партии 25 июля 1932 г. Поскольку принятное тогда решение оказалось недостаточно четким, спустя два месяца тему снова поднял сотрудник агитационно-массового отдела Горкома ВКП(б), ответственный за работу среди иностранных специалистов, – Глейзер. В своем конфиденциальном обращении к руководителю отдела здравоохранения города он указал на неудовлетворительное состояние медобслуживания иностранцев, случаи игнорирования врачами вызовов к больным пациентам. Предложения инструктора включали закрепление за иностранцами специалиста доктора Чоо, свободно владеющего несколькими языками, расширение сети лечебных учреждений, увеличение количества мест в стационарах и улучшение качества питания пациентов посредством организации поставок через Инснаб.

Согласно рассказу Т. К. Пацины, территория поселка была отделена ограждением [4], которое, однако, не отличалось высоким качеством исполнения [41, с. 24]. Это создавало физическую изоляцию поселка от остального пространства города. Внутри посёлка отсутствовало собственное отделение полиции, но безопасность обеспечивали регулярные обходы улиц участковым сотрудником милиции и добровольцами из местного населения. Начальник стройки доменного городка Райзер отмечал особое требование иностранцев относительно полной изоляции района «Берёзки»: местные не допускались туда [8, л. 164]. Пересечение границы территории поселения воспринималось местными жителями негативно, сопровождалось недовольством и рекомендациями работников правоохранительных органов покинуть территорию [6, л. 17].

Досуг иностранной колонии «Березок» любопытно описан в воспоминаниях американского рабочего Дж. Скотта: «Жизнь, которую вели иностранцы в Березках, была весьма разнообразна и в большинстве случаев приближалась к западно-европейским стандартам. Итальянские специалисты угощали инснабовскими леденцами девушки из местных колхозов, летом ходили в степь за цветами, пели песни и пили имевшиеся в наличии грузинские вина. Американцы играли в покер, читали «Сертеди Ивнинг Пост»...» [38, с. 107]. В воспоминаниях участников строительства и советских обитателей поселка неоднократно отмечается, что вечерами из коттеджей «неслись звуки патефонов, наигрывающих все те же фокстроты...» [7, л. 14].

Социальный статус и профессиональная квалификация были определяющими факторами при распределение жилого фонда в поселке среди советских граждан. Одних вселяли в коттеджи, других – в щитовые дома. Основное различие качества жизни между обитателями поселка и остальным населением города состояло именно в уровне комфортности жилищных условий, степени благоустройства жилых помещений и развитости инфраструктуры.

Яркое представление о бытовых сложностях руководящего состава Магнитогорска даёт серия ранее неизданных писем руководителя планового отдела строительства Б. Г. Козелёва. После прибытия в Магнитогорск Б. Г. Козелёву пришлось проживать на диване в доме начальника строительства Я. П. Шмидта. Впоследствии ему удалось добиться предоставления номера в местной гостинице [36, л. 3], а к приезду семьи в город Б. Г. Козелеву предоставили трёхкомнатную квартиру в элитном поселке. Несмотря на высокий статус и доступ к особым условиям проживания, даже руководство сталкивалось с трудностью приобретения необходимых бытовых товаров и медикаментов в городе [36, л. 2]. «Отец ездил в этом месяце в Челябинск... он привез лишь две банки орехового варенья и 10 "кусков" детского мыла, набрав их постепенно по кусочку», – писала В. Ф. Берсенева о том, что дефицит охватил даже «Березки» в конце 1930-х гг. В случае болезни местное население пользовались услугами знакомых врачей. Например, знаменитый педиатр Ф. О. Краузе регулярно выезжал на частные вызовы к высокопоставленным лицам. Супруга писала о работе Ф. О. Краузе: «Отец худеет, но уверяет, что чувствует себя хорошо. Правда, вечером после длинного рабочего дня он бывает пьяный от усталости. Да и не ест он днем почти ничего» [37, с. 31].

Для детей «Березок» обучение проводили в школе № 41, считавшейся лучшей в городе благодаря высокому уровню успеваемости. Тем не менее в 1938 г. вследствие реформ образовательной системы Магнитогорска учебное заведение преобразовали в восьмилетнюю школу. Вследствие этого ученики старших классов были вынуждены продолжить обучение в иных школах города. Сообщение о предстоящем поиске новой школы и дальних поездках вызвало тревогу среди родителей «Березок»: «Насколько уютнее я себя чувствую в 41-й школе против 5-й. Плохо, что Каря будет заниматься в первую смену, а Лена во вторую» [37, с. 12]. Б. Г. Козелев также выражал серьёзную озабоченность перспективой долгих поездок дочери в школу. Рассматривался вариант найма частного преподавателя, однако впоследствии эта необходимость отпала, поскольку детей Б. Г. Козелева, Я. Гугеля и К. Д. Валериуса стали доставлять в учебное заведение на автомобиле либо конным транспортом [36, л. 9]. Учеба ребят была насыщенной: помимо занятий они активно занимались спортом, выполняли общественную нагрузку и участвовали в субботниках. В письмах В. Ф. Берсеневой красочно описаны повседневные заботы ее семилетнего сына: «Основной школой Каря в общем доволен, хотя, конечно, и в половину не увлекается ей так, как Лена. Он уже имел там неприятность – нарушение дисциплины... <...> То и дело возвращается домой в весьма потрепанном виде: пальто без пуговиц, руки в ссадинах, ноги в синяках. Связывается с мальчишками старше себя и всегда оказывается, что они плакали, а он смеялся...» [37, с. 29, 46]. Детвора из «Березок» принимала участие в субботниках, оказывая посильную помощь родителем: «Застала их играющими около нашего дома и грязными, как кочегары. Они, оказывается, разгружали уголь с подводы. Лена купила квасу и накормила их всем хлебом и квасом вместо завтрака...» [37, с. 23]. Между детьми элитного поселка и мальчишками из бараков случались драки [37, с. 14]. По просьбам жителей поселка на его территории открыли филиал музыкальной школы.

Часто в «Березках» нанимали прислугу и даже гувернанток. Впрочем, содержание помощницы по хозяйству представляло собой непростое дело: следовало вы-

плачивать ей зарплату, выделять комнату [36, с. 15, 17, 27]. В. Ф. Берсенева в письмах старшему сыну писала о частой смене «домашнего министерства», имея в виду прислугу: «У нас внезапно испарилась два дня тому назад наша старушка Клавдия Капитоновна: прожив ровно месяц, она сложила свой узелок и уехала под проливным дождем в Куйбышев... Я разыскала нашу старую Ефимовну и привела сюда... Если Ефимовна останется, я буду счастлива. Дети ей очень рады. Они по-прежнему ее любят. Она уже угостила их своими “калачами”, гуляла с Карькой и ведет с ним длинные разговоры» [37, с. 15]. В особняках, принадлежавших руководству предприятия и городским партфункционерам высшего звена, также держали прислугу, чаще всего приглашая бывших сельских жительниц. Так, Л. Скворцова, спецпереселенка, многодетная мать, в 1931 г. получила должность служанки в одном из домов посёлка «Березки» [4].

Большинство обитателей «Березок» имели высшее образование, часто полученное еще до революции, ценили искусство и культуру. Это, несомненно, предопределяло специфику досуговых практик. В. Ф. Берсенева писала: «Мы с ней играли в четыре руки несколько страниц из седьмой симфонии Бетховена» [37, с. 28]. Некоторые коллекционировали пластинки или собирали библиотеку классической литературы: «Он купил вторую симфонию Чайковского полностью (очень хорошие пластинки)» [37, с. 20]. Со второй половины 1930-х гг. в среде интеллигенции распространение получило прослушивание патефона в домашних условиях, игра на музыкальных инструментах и чтение вслух: «Отец купил здесь много новых хороших пластинок и испытывает звучание патефона... Отец читает детям “Одиссею”» [37, с. 15, 16, 18].

Заключение

Несмотря на острый жилищный кризис и дефицит товаров широкого потребления – постоянных спутников жизни Магнитогорска в годы индустриализации, в городе был создан закрытый благоустроенный жилой район «Березки». Изначально поселок строили для размещения иностранной колонии (преимущественно технических специалистов), но вскоре его заселили самыми достойными и значимыми советскими горожанами (на практике – начальство города, партии и комбината). В то время как обычные жители города ютились в примитивных бараках и землянках, переживая пик жилищного кризиса, жителям «Березок» были доступны такие удобства, как водопровод, электричество и отопление. После того, как иностранные обитатели поселка покинули Магнитогорск, миф советской пропаганды о благоустроенном жилье строителей Магнитки, так и не был реализован. Элитное жилье было распределено между советскими привилегированными категориями горожан, исключая рабочий класс. Поэтому мечта «маленького человека» о достойном жилище осталась нереализованной, а «Березки» – зона комфорта за высоким забором предстала скорее символом недоступной роскоши, нежели примером успехов социалистического строительства.

Список источников и литературы

1. Андреева И. В. Тайны дома на ул. Бибишева // Наследие. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорского государственного технического университета, 2012. С. 7–8.
2. Баканов В. П. Испытание Магниткой. Магнитогорск: МиниТип, 2001. 338 с.
3. Богданов А. В. Социально-бытовые условия и организация питания иностранных специалистов на заводах Урала в годы первой пятилетки // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2010. Вып. 15, № 28 (204). С. 15–18.
4. Воспоминания Т. К. Пацины / записано Н. Н. Макаровой. [Б. м.], 2008.

5. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 334.
6. ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 342.
7. ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 362.
8. ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 312.
9. Журавлев С. «Маленькие люди» и «большая история»: Иностранцы московского Электрозвавода в советском обществе 1920–1930-х гг. М.: РОССПЭН, 2000. 352 с.
10. Казаринова В. И., Павличенков В. И. Магнитогорск. М.: Госстройиздат, 1961. 248 с.
11. Конышева Е. В., Меерович М. Г. Эрнст Май и проектирование социалистических городов в годы первых пятилеток: (на примере Магнитогорска). М.: ЛЕНАНД, 2012. 224 с.
12. Конышева Е. В. Европейские архитекторы в советском градостроительстве эпохи первых пятилеток : документы и материалы. М.: БуксМАрт, 2017. 424 с.
13. Кринко Е. Ф., Тажидинова И. Г., Хлынина Т. П. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2011. 360 с.
14. Кринко Е. Ф., Тажидинова И. Г., Хлынина Т. П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. 362 с.
15. Магнитогорск: письма // Магнитогорский рабочий. 1930. 1 дек.
16. Макаров А. Н. Индустриализация и формирование «нового» человека в изображении фото- и кинохроники 1930-х гг. (по материалам Магнитогорска) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 1. С. 113–125.
17. Макарова А. Н. «Такому человеку нужен телефон»: быт Магнитогорска в фотохронике 1930-х годов // Родина. 2011. № 11. С. 108–111.
18. Макарова Н. Н. «Американская мечта» и ее воплощение в СССР: элитный поселок «Березки» в условиях мобилизационной модели 1930-х гг. // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. Челябинск: Энциклопедия, 2012. С. 476–486.
19. Макарова Н. Н. Магнитогорск как социокультурный проект советской власти. Магнитогорск: Магнитогорский дом печати, 2021. 532 с.
20. Макарова Н. Н. «Первый в СССР чисто советский город...»: Магнитогорск в условиях реализации идеи нового социалистического города (1929–1935) // Социалистический город и социокультурные аспекты урбанизации : сб. материалов Междунар. конф. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет, 2010. С. 52–74.
21. Макарова Н. Н. Из повседневной жизни магнитогорцев: система здравоохранения в 1929–1935 гг. // Проблемы российской истории. 2009. № 9. С. 251–262.
22. Меерович М. Г. Жилой фонд соцгородов-новостроек первых пятилеток. Ч. 2: Двухэтажные деревянные 8- и 16-квартирные дома – жилье для специалистов и руководителей среднего звена // Региональные архитектурно-художественные школы. 2016. № 1. С. 436–445.
23. Меерович М. Г., Конышева Е. В., Хмельницкий Д. С. Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР (1928–1932 гг.). М.: РОССПЭН, 2011. 270 с.
24. Меерович М. Г. Биография профессии. Жилищная политика в СССР и ее реализация в архитектурном проектировании (1917–1941 гг.) : очерки истории. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. 217 с.
25. Меерович М. Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми, 1917–1937 гг. М.: РОССПЭН, 2008. 303 с.
26. Меерович М. Г. Социалистический город: формирование городских общинностей и советская жилищная политика в 1930-е годы // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: Вариант, 2007. С. 84–118.
27. МКУ «ГА» г. Магнитогорск (МКУ «Городской архив» города Магнитогорска). Ф. 99. Оп. 4. Д. 2.
28. МКУ «ГА» г. Магнитогорск. Ф. 99. Оп. 4. Д. 3.
29. МКУ «ГА» г. Магнитогорск. Ф. 99. Оп. 8. Д. 134.
30. МКУ «ГА» г. Магнитогорск. Ф. 99. Оп. 8. Д. 230.
31. МКУ «ГА» г. Магнитогорск. Ф. 99. Оп. 8. Д. 230 а.

32. МКУ «ГА» г. Магнитогорск. Ф. 99. Оп. 8. Д. 36.
33. МКУ «ГА» г. Магнитогорск. Ф. 99. Оп. 8. Д. 361.
34. МКУ «ГА» г. Магнитогорск. Ф. 99. Оп. 4. Д. 2.
35. МКУ Музей истории «Магнитостроя». Д. 1218 / 1. 12 л.
36. МКУ Музей истории «Магнитостроя». Д. 1218 / 2. 7 л.
37. Пришла война в Березки : письма матери. Череповец, 2010. 143 с.
38. Скотт Дж. За Уралом: Американский рабочий в русском городе стали. М.: Изд-во МГУ ; Свердловск: Изд-во УГУ, 1991. 304 с.
39. Федосихин В. С., Хорошанский В. В. Магнитогорск – классика советской социалистической архитектуры. Магнитогорск: МГТУ им. Г. И. Носова, 1999. 168 с.
40. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм: социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2008. 336 с.
41. Шасс Ю. Архитектура жилого дома. [Ч. 1]: Поселковое строительство 1918 – 1948 годов. М.: Госстройиздат, 1951. 200 с.

References

1. Andreeva, IV 2012, 'Tayny doma na ul. Bibisheva' (Secrets of the house on Bibisheva street) in *Naslediye*, 12–15 April 2012, Magnitogorsk, Izd-vo MaGU Publ, Magnitogorsk, pp. 7–8. (In Russ.)
2. Bakanov, VP 2001, *Ispytaniye Magnitkoy* (Testing by Magnitka), PMP «Mini Type» Publ, Magnitogorsk. (In Russ.)
3. Bogdanov, AV 2010, 'Sotsial'no-bytovye usloviya i organizatsiya pitaniya inostrannykh spetsialistov na zavodakh Urala v gody pervoy pyatiletki' (Social and living conditions and organization of food for foreign specialists at Ural factories during the first five-year plan), *Bulletin of the South Ural State University. Series "Social and Humanitarian Sciences"*, vol 15, no 28 (204), pp. 15–18. (In Russ.)
4. *Vospomenaniya T. K. Patsina* (Memories of T.K. Patsina) 2008, recorded by N.N. Makarova. S.l. (In Russ.)
5. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* (State Archives of the Russian Federation), fund P-7952, inventory 5, file 334 (In Russ.)
6. GARF. fund. P-7952. inventory. 5. file. 342. (In Russ.)
7. GARF. fund. P-7952. inventory. 5. file. 362. (In Russ.)
8. GARF. fund. P-7952. inventory. 5. file. 312. (In Russ.)
9. Zhuravlev, S 2000, «*Malen'kiye lyudi*» i «*bol'shaya istoriya*». *Inostrantsy moskovskogo Elektrozavoda v sovetskem obshchestve 1920–1930-kh gg.* («Little People» and «Big History». Foreigners of the Moscow Electrozavod in Soviet Society in the 1920s–1930s), ROSSPEN Publ, Moscow. (In Russ.)
10. Kazarinova, VI & Pavlichenkov, VI 1961, *Magnitogorsk* (Magnitogorsk), Gosstroyizdat Publ, Moscow. (In Russ.)
11. Konysheva, EV & Meerovich MG 2012, *Ernst May i proyektirovaniye sotsialisticheskikh gorodov v gody pervykh pyatiletok (na primere Magnitogorska)* (Ernst May and the Design of Socialist Cities during the First Five-Year Plans (using Magnitogorsk as an Example), LENAND Publ, Moscow. (In Russ.)
12. Konysheva, EV 2017, *Europeyskiye arkitektury v sovetskem gradostroitel'stve epokhi pervykh pyatiletok. Dokumenty i materialy* (European architects in Soviet urban development during the first five-year plans. Documents and materials), BuksMart Publ, Moscow. (In Russ.)
13. Krinko, EF, Tazhidinova, IG & Khlynina, TP 2011, *Povednevnyy mir sovetskogo cheloveka 1920–1940-kh gg.: zhizn' v usloviyakh sotsial'nykh transformatsiy* (Everyday world of the Soviet person of the 1920–1940s: life in the conditions of social transformations), SSC RAS Publ, Rostov-on-Don. (In Russ.)
14. Krinko, EF, Tazhidinova, IG & Khlynina, TP 2013, *Chastnaya zhizn' sovetskogo cheloveka v usloviyakh voyennogo vremeni: prostranstvo, granitsy i mekhanizmy realizatsii (1941–*

- 1945) (The private life of a Soviet person in wartime conditions: space, boundaries and mechanisms of implementation (1941–1945), SSC RAS Publ, Rostov-on-Don. (In Russ.)
15. 'Magnitogorsk: pis'ma' (Magnitogorsk: letters) 1930, *Magnitogorskiy rabochiy*, 1 December, p. 4. (In Russ.)
16. Makarov, AN 2011, 'Industrializatsiya i formirovaniye «novogo» cheloveka v izobrazhenii foto- i kinokhroniki 1930-kh gg. (po materialam Magnitogorska)' (Industrialization and the formation of the "new" person in the image of photo and newsreel footage of the 1930s (based on materials from Magnitogorsk), *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, no 1, pp. 113–125. (In Russ.)
17. Makarov, AN 2011, '«Takomu cheloveku nuzhen telefon»: byt Magnitogorska v fotokhronike 1930-kh godov' ("Such a person needs a telephone": Magnitogorsk life in photo chronicles of the 1930s), *Rodina*, no 11, pp. 108–111. (In Russ.)
18. Makarova, NN 2012, '«Amerikanskaya mechta» i ee voploscheniye v SSSR: elitnyy poselok «Berezki» v usloviyakh mobilizatsionnoj modeli 1930-kh gg.' ("American Dream" and its implementation in the USSR: elite *Beryozki* formation in the context of the mobilization model of the 1930s) in Borodkin LI, *Mobilizatsionnaya model' ekonomiki: istoricheskiy opyt Rossii XX veka* (Mobilization model of economy: historical experience of Russia in the 20th century), 23–24 November 2012, Chelyabinsk, Encyclopedia, Chelyabinsk, pp. 476–486. (In Russ.)
19. Makarova, NN 2021, *Magnitogorsk kak sotsiokul'turnyy proyekt sovetskoy vlasti* (Magnitogorsk as a socio-cultural project of the Soviet government), Magnitogorskiy dom pechati Publ, Magnitogorsk. (In Russ.)
20. Makarova, NN 2010, '«Pervyy v SSSR chisto sovetskiy gorod...»: Magnitogorsk v usloviyakh realizatsii idei novogo sotsialisticheskogo goroda (1929–1935)' ("The first purely Soviet city in the USSR...": Magnitogorsk in the context of the implementation of the idea of a new socialist city (1929–1935)), in Makarova NN, *Sotsialisticheskiy gorod i sotsiokul'turnyye aspekty urbanizatsii* (Socialist city and socio-cultural aspects of urbanization), 10–11 December 2010, Magnitogorsk, Magnitogorsk State University, Magnitogorsk, pp. 5–274. (In Russ.)
21. Makarova, NN 2009, 'Iz povsednevnoy zhizni magnitogortsev: sistema zdravookhraneniya v 1929–1935 gg.' (From the everyday life of Magnitogorsk residents: the health care system in 1929–1935), *Problems of Russian history*, vol. 9, pp. 251–262. (In Russ.)
22. Meerovich, MG 2016, 'Zhiloy fond sotsgorodov-novostroyek pervykh pyatiletok. chast' 2. dvukhetazhnyye derevyanne 8- i 16-kvartirnye doma – zhil'ye dlya spetsialistov i rukovoditeley srednego zvena' (Housing stock of new buildings of socialist cities dated to the first five-year plans period. Part 2. Two-story wooden 8-and 16-apartment buildings – housing for specialists and middle managers), *Regional'nye arkhitektурно-художественные shkoly*, no 1, pp. 436–445. (In Russ.)
23. Meerovich, MG, Konyshova, EV & Khmelnitsky, DS 2011, *Kladbischche sotsgorodov: gradostroitel'naya politika v SSSR (1928–1932 gg.)* (Cemetery of socialist cities: urban development policy in the USSR (1928–1932), ROSSPEN Publ, Moscow. (In Russ.)
24. Meerovich, MG 2003, *Biografiya professii. Zhilishchnaya politika v SSSR i ee realizatsiya v arkhitekturnom proektirovaniy (1917–1941 gg.). Ocherki istorii* (Biography of the profession. Housing policy in the USSR and its implementation in architectural design (1917–1941). Essays on history), Irkutsk State Technical University Publishing House, Irkutsk. (In Russ.)
25. Meerovich, MG 2008, *Nakazaniye zhilishchem. Zhilishchnaya politika v SSSR kak sredstvo upravleniya lyud'mi* (Punishment by Housing. Housing Policy in the USSR as a Means of Managing People), ROSSPEN Publ, Moscow. (In Russ.)
26. Meerovich, MG 2007, 'Sotsialisticheskiy gorod: formirovaniye gorodskikh obshchnostey i sovetskaya zhilishchnaya politika v 1930-ye gody' (Socialist city: formation of urban communities and Soviet housing policy in the 1930s) in Romanov R & Yarskaya-Smirnova E, *Sovetskaya sotsial'naya politika 1920–1930-kh godov: ideologiya i povsednevnost'* (Soviet social policy of the 1920–1930s: ideology and everyday life), «Variant» Publ, Moscow, pp. 84–118. (In Russ.)
27. *Munitsipal'noye kazennoye uchrezhdeniye «Gorodskoy arkhiv» goroda Magnitogorska (MKU «GA» g. Magnitogorsk)* (Municipal state institution "City Archive" of the city of Magnitogorsk), fund 99, inventory 4, file 2. (In Russ.)

28. *MKU «GA» g. Magnitogorsk*, fund 99, inventory, 4. file, 3. (In Russ.)
29. *MKU «GA» g. Magnitogorsk*, fund 99, inventory, 8. file, 134. (In Russ.)
30. *MKU «GA» g. Magnitogorsk*, fund 99, inventory, 8. file, 230. (In Russ.)
31. *MKU «GA» g. Magnitogorsk*, fund 99, inventory, 8. file, 230a. (In Russ.)
32. *MKU «GA» g. Magnitogorsk*, fund 99, inventory, 8. file, 36. (In Russ.)
33. *MKU «GA» g. Magnitogorsk*, fund 99, inventory, 8. file, 361. (In Russ.)
34. *MKU «GA» g. Magnitogorsk*, fund 99, inventory, 4. file, 2. (In Russ.)
35. *Munitsipal'noye kazennoye uchrezhdeniye Muzey istorii «Magnitostroya» (MKU Muzey istorii «Magnitostroya»)* (Municipal state institution Museum of the History of Magnitostroy), file 1218, sheet 1, 12. (In Russ.)
36. MKU Muzey istorii «Magnitostroya», file 1218, sheet 2, 7. (In Russ.)
37. *Prishla voyna v Berezki : pis'ma materi* (War Came to Berezki: Mother's Letters) 2010, S.l., Cherepovets (In Russ.)
38. Scott, J 1991, *Beyond the Urals. American Worker in a Russian Steel City*, MSU – Ufa State University Publ, Moscow – Sverdlovsk.
39. Fedoshikhin, VS & Khoroshansky, VV 1999, *Magnitogorsk – klassika sovetskoy sotsialisticheskoy arkitektury* (Magnitogorsk – a classic of Soviet socialist architecture). Nosov State Technical University Publ, Magnitogorsk. (In Russ.)
40. Fitzpatrick, S 2009, *Everyday Stalinism. Social history of Soviet Russia in the 1930s: city*, ROSSPEN Publ, Moscow.
41. Shass, Yu 1951, 'Arkhitektura zhilogo doma. Poselkovoye stroitel'stvo 1918–1948' (Architecture of a residential building. Village construction 1918–1948), Gosstroyizdat Publ, Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 19.05.2025

Одобрена после рецензирования: 23.06.2025

Принята к публикации: 23.06.2025

The article was submitted: 19.05.2025

Approved after reviewing: 23.06.2025

Accepted for publication: 23.06.2025